2. Дьяченко М.М. Психологические проблемы готовности к деятельности/ М.М.Дьяченко, А.А. Кандибович – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1976. – 176 с.

3. Карамушка Л.М. Психологія управління закладами середньої освіти: Монографія. – К.: Ніка – Центр, 2000. - 332 с. (Серія «Новітня психологія». Вип. 6).

4. На допомогу менеджера освіти. Частина VIII. Сучасний керівник навчального закладу – менеджер освіти. – Тернопіль: Астон, 2003. – 344 с.

5. Григораш В.В. Організація діяльності керівника школи. – Х.: Видавнича група «Основа», 2008. – 208 с.

6. Єльникова Г.В. Основи адаптивного управління (тексти лекцій). – Х.: Видавнича група «Основа», 2004. – 128 с. (Серія «Бібліотека журналу «Управління школою»; Вип.3(15).

7. Максименко С.Д. Загальна психологія: Підручник. – 2-ге вид., перероб. і доп. – Вінниця: Нова книга, 2004. – 704 с.

УДК 371.4 (092)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ Ш.А. АМОНАШВИЛИ

Приходько Н.И., д.пед.н., профессор

Запорожский национальный университет

Статья посвящена осмыслению заповедей, мудрых советов в работе с детьми шестилетками и раздумий о сути школы видного ученого, академика, доктора педагогических наук, профессора Шалвы Александровича Амонашвили.

Ключевые слова: педагог, дети, детская шалость, школа.

Приходько М.І. ПЕДАГОГІЧНА СИМФОНІЯ Ш.О. АМОНАШВІЛІ / Запорізький національний університет, Україна

Стаття присвячена осмисленню заповідей, мудрих порад у роботі з дітьми шестирічками і роздумів про суть школи видного ученого, академіка, доктора педагогічних наук, професора Шалви Олександровича Амонашвілі.

Ключові слова: педагог, діти, дитяча витівка, школа.

Prihodko N.I. PEDAGOGICAL SYMPHONY SH.O. AMONASHVILI / Zaporozhia regional institute of poslediplomnogo pedagogical education, Ukraine.

Article is devoted judgement of precepts, a wise advice in work with children шестилетками and meditations about an essence of school of the visible scientist, the academician, the doctor of pedagogical sciences, professor Shalvy Aleksandrovicha Amonashvili.

Keywords: the teacher, children, a childish prank, school.

Постановка проблемы. Прошло более сорока лет со дня перехода обучения детей с 6 лет. Одним из фундаторов этой реформы был Ш.А. Амонашвили. Опыт своей работы с шестилетками Шалва Александрович Амонашвили изложил в двух книгах «Здравствуйте дети!» и «Как живете дети?», вышедших тиражом по 500000 экземпляров.

Академик А.В. Петровский назвал эти приозведения педагогической симфонией. «Эта симфония каждого школьного дня, - пишет Ш.А. Амонашвили, - звучит в моих ушах звуками детского жриамули» (Жриамули с грузинского звучит – щебет, гомон детей и птиц). Лейтмотивом педагогической симфонии, которая разыгрывается на страницах книг, остается неизменно любовь к детям, чуткое отношение к нежной детской душе ребенка, которую так легко ранить, задеть неосторожным словом или поступком. Автор статьи счастлив, что имел возможность присутствовать на уроках, видеть богатство душевного преклонения перед детьми, разнообразие методических средств обучения, которые своим происхождением обязаны психолого-педагогическим идеям Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, Л.В. Заннова, Г.С. Костюка, Д.Н. Узнадзе, Б.И. Хачапуридзе, Д.Б. Эльконина, и которые обогащал своим педагогическим мастерством Шалва Александрович.

В связи с отсутствием исследований педагогического творчества Ш.А. Амонашвили мы берем на себя смелость пройтись по страницам произведений учителя начальной школы, стремившегося познать тайну детской души, педагогического мастерства и науки Педагогики, видеть в каждом ребенке своего учителя и воспитателя, принимающего любовь к «жриамули», как доказательство понимания детей, убежденного

в том: «кому нравится детский «жриамули», тот склонен к педагогической деятельности, а кто уже пристрастился к нему, тот обретет свое профессиональное счастье» [1, 10].

Цель нашей статьи – познакомить учителей начальной школы, воспитателей дошкольных образовательных учреждений с основными педагогическими заповедями Шалвы Александровича Амонашвили.

Изложение основного материала начнем с первой заповеди, которой педагог – методист следовал и следует по сегодняшний день: «Находясь в педагогической цейтноте, часто буду вынужден за считанные секунды решать сложнейшие задачи воспитания, способные менять всю последующую жизнь ребенка. Я должен делать это без спешки и помнить, что я ответствен за его судьбу» [1, 15]. «Моя забота в том и состоит, чтобы помочь детям обогатиться жизненным опытом детства, ибо хорошо знаю: чем многограннее у ребенка жизненный опыт детства, тем успешнее можно вплетать в него богатейший опыт человека» [2, 23]. Эта мысль обозначает новое поле размышлений. В лучшем случае мы заботимся об умственном развитии ребенка – а может быть, Шалва Александрович прав для конечных, так сказать, результатов учения и воспитания опыт детства важнее? И в словах опыт детства заключается тайна трудного понятия – развитие? «Если я стремлюсь проявить свою действительную любовь к детям, то я обязан делать это в наилучших формах» - вторая важнейшая заповедь, которую учитель считал серьезной педагогической проблемой [1, 17].

Удивительная убежденность педагога, идущая в разрез с авторитарной педагогикой, относительно детской шалости звучит так: «Нельзя было бы строить настоящую педагогику, не будь детских шалостей, не будь озорников. Они дают пищу для того, чтобы педагогическая мысль двигалась дальше и чтобы воспитатели были постоянно озабочены необходимостью думать творчески, проявлять новаторство, педагогическое дерзание. Какая скука для педагога заниматься с детьми, имеющими сознательность и поведение умудренных жизненным опытом взрослых! Я сперва подстрекал бы таких детей к шалостям, к неугомонности, а затем приступал бы к поискам педагогики личности.

В конце концов, зачем мы так восстаем против детских шалостей? Почему взрослые склонны видеть в них что-то вроде преступления, принимают их как нарушения сознательной дисциплины? Мне кажется потому, что мы еще не знаем, что такое шалость и кто такие шалуны. С каким интересом прочел бы я книги о психологии шалунов и о шалостях, но где они!

Шалость детей нарушает наше спокойствие, создает проблемы в воспитании, которые нам порой не под силу разрешить педагогическими путями.

Шалуны – сообразительные, остроумные дети, умеющие применять свои способности в любых неожиданных условиях и вызывать у взрослых чувство необходимости переоценки ситуаций и отношений…

Шалуны – жизнерадостные дети: они помогают другим быть резвыми, подвижными, уметь обороняться…

Шалуны – дети с сильными тенденциями к саморазвитию, самодвижению; они восполняют в себе просчеты педагогов в развитии их индивидуальных способностей…

Шалуны – дети с юмором, видят смешное в самом серьезном, умеют загонять безалаберных в необычные для них ситуации и любят потешаться над ними; они дарят хорошее настроение и смех не только самим себе, на и другим, чувствующим юмор…

Шалуны – общительные дети, ибо каждую свою шалость, они творят в общении со всеми, кто только заслуживает быть участником их шалостей…

Шалуны – деятельные мечтатели, стремящиеся к самостоятельному пониманию и преобразованию действительности…

Шалуны – мысль педагога, объект педагогики.

Шалунов можно наказывать, но нужно поощрять.

Что делать этим шалунам, этим деятельным фантазерам, во время школьных перемен в классной комнате или школьных коридорах? Читать стенные газеты, которые вот уже месяц (а может, и больше) никто не менял? А зачем им эти скучные газеты? Может быть, ходить по коридорам и сотни раз разглядывать лозунги и плакаты, стенды и витрины? Бесконечно смотреть на портреты видных писателей и ученых и мечтать стать такими же, как они? Нам, должно быть, легче понять, что ребенок не подвергается плакатной педагогике, чем самому ребенку понять необходимость быть сознательно-дисциплинированным.

Шалость – ценное качество ребенка, только надо управлять им. Я давно установил для себя, что суть детской дисциплины заключается не в подавлении шалостей, а в преобразовании их. Не надо требовать от детей того, чего мы не смогли внушить им с помощью нашей педагогики.

Как сделать, чтобы детские шалости преобразовывались, а не подавлялись? Как это сделать на переменах? Ведь именно в это время внутренние силы начинают неконтролируемое брожение и ребенок чувствует толчки их свободного извержения. Так возникает у меня сложная педагогическая проблема школьных перемен и школьной дисциплины. Хотя она мною не решена и, по всей вероятности, на будет решена, все же я могу быть спокоен на этот раз больше, чем может быть, некоторые мои коллеги. Спокоен потому, что я знаю, чем обязательно займутся мои ребятишки».

Дети – активные существа, деятельные мечтатели, стремящиеся к преобразованию. И следует очередная заповедь: «Надо видеть себя в детях, чтобы помочь им стать взрослыми; надо принимать их как повторение своего детства, чтобы совершенствоваться самому; надо, наконец, жить жизнью детей, чтобы быть гуманным педагогом» [1, 26-28].

Прекрасно отточена мысль: «Действительно гуманная педагогика – это та, которая в состоянии приобщить детей к процессу созидания самих себя». Это известная мысль о том, что ребенок не объект, а субъект воспитания; но тут важно вот какое указание: только такая педагогика гуманна, а всякая другая – бесчеловечна, то есть опасна для детей [2, 46]. «Я просто ваш старший товарищ, богатый опытом и знаниями» - в мыслях говорит педагог Ш.А. Амонашвили детям, поощряя их к «познавательной шалости» - термин от которого содрогнулась бы старая педагогика.

Для сегодняшних педагогов детских образовательных учреждений и учителей начальных классов общеобразовательных школ само собой разумеющимся являются мни-уроки (10-15 минут) и полные уроки (по 35 минут) по предметам для шестилеток, а в 60-70 годы прошлого столетия они были предметом серьезных дискуссий учителей, методистов, руководителей школ и органов образования.

Надо было иметь не только убежденность, но и мужество заявлять о том, чтобы высвободить энергию урока, расщепить 9000 атомов-секундочек и направить ее на переживание детьми:

- счастья жизни;
- счастья познания;
- счастья общения;
- счастья взросления.

Ребенок не может ждать счастья. Он нетерпелив, он хочет и должен быть счастливым сегодня, сейчас. «И какой же я педагог, - спрашивает самого себя Шалва Александрович, - если каждая секунда общения со мной не сделает его счастливым и радостным и, конечно же, умным и опытным?»

И тут же гениальный ответ: «И чтобы доставить моим «нулевикам» - всем вместе и каждому в отдельности – такое счастье мне приходится часами работать над партитурой каждого урока, каждой перемены.

Я дорожу педагогическими секундами.

Пусть никто не смеет задерживать меня перед началом урока, когда я спешу к детям!

Пусть никто не смеет стучать в дверь во время урока, если только не началась тревога!

Пусть никто не смеет отрывать меня от детей, когда я должен быть с ними и когда я им нужен!

И дело совсем не в мини-уроках! А в том, что надо знать цену педагогическим секундам., и мини-уроки помогли мне глубже понять это. Как же я могу обращаться к детям с балластом слов, пожирающим эти секунды? А что такое балласт слов? А вот что!

Это обучающе- и воспитывающеобразное пустословие, педагогическая ограниченность, ведущая к «заземлению» ума и прав ребенка, рожденного для полета. Это липкая паутина, связывающая крылья птиц. Это гаситель познавательного огонька, держатель цепной реакции радости учения. «Не хватает времени на уроке… Не успеваю!» - скажет иной педагог, не задумываясь над тем, сколько минут было поглощено на этом уроке балластом слов!

Вот этому и напучили меня мои мини-уроки. Хотя они служили не только этому» [1, 77].

Делая вывод о том, что точность ответов детей на вопросы педагога зависит не столько от логики самих вещей, сколько от опыта самого ребенка, Шалва Александрович оставляет такую заповедь учителям: «Вопрос, задаваемый педагогом детям, - это клеточка не только методики, но и всей педагогики. Если рассмотреть его под микроскопом, можно познать в нем всю направленность процесса обучения,

характера отношений педагога к учащимся; можно познать самого педагога, ибо вопрос – почерк его педагогического мастерства» [1, 39].

Или вот еще такая мысль – о вреде недальновидного вмешательства, о желании немедленно исправить любую детскую ошибку: «Как опасен недальновидный педагог! Он может нарушить тенденцию детей к саморазвитию, самовоспитанию, самообучению» [2, 25]. Снова необычное: Общепринято выражение «работа над ошибками»; считается, что ошибки надо искоренять тут же. А может быть, надо учиться использовать детские ошибки для обогащения опыта детства?

Запомним и такие строчки: «Если ребенку трудно учиться и мы действительно хотим ему помочь, то самое главное, с чего мы должны начать и чему постоянно следовать, - это дать ему возможность чувствовать, что он так же способен, как все остальные, и что у него тоже есть своя особая «искра божья» [2, 61]. Отметим необходимую категоричность этой мысли: только так можно помочь ребенку, а по-другому – жалобами родителям, двойками, пристыжением успеха не добьешься.

Это в физике все или новое – или старое: да и то вдруг оказывается, что из трех законов Ньютона, Ньютон не открыл ни одного, как не открыл он закон всемирного тяготения – все было известно прежде, и все открыл великий Ньютон. В педагогике все держится на любви. Может ли быть любовь к детям новой? Или глупее того, может ли она устареть? Она не новая и не старая, она вечная, но каждому приходится открывать ее самому, и без людей и без книг, говорящих об искусстве любить детей, это открытие невозможно.

Подлинно человеческую радость можно пережить тогда, когда видишь, что доставил радость другому человеку.

На самой верхней грани соприкосновения способностей и эмоций учителя со способностями, силами и эмоциями своих учеников может родиться настоящая, радостная, увлекательная педагогика, действительная духовная общность между учителем и его учащимися.

Прикасайся к чувствам ребенка с таким же вдохновением и мастерством, как прикасался к струнам своей лиры Орфей.

Сила воспитательного влияния зависит от того, насколько оно индивидуально для раскрытия духовных сил и становления черт каждого отдельного школьника и насколько оно способно внушать общий дух дружелюбия и доброты в каждого из детей.

«Воспитанию нет начала и конца его тоже не видно, а перемен в этом процессе не существует», - считал Шалва Александрович. И чтобы усилия воспитания детей не противоречили друг другу, он предлагал десять «заповедей» воспитателя, суть которых сводится к следующему:

1. В гуманистическом обществе воспитание может быть только гуманистическим. Главный принцип такого воспитания – расположить ребенка к воспитательному процессу, сделать его нашим добровольным помощником в своем же воспитании.
2. Общение – суть жизни людей. Главный метод гуманистического воспитания – доставлять ребенку радость общения с нами: радость совместного познания, совместного труда, игры, отдыха.
3. Обычная повседневная жизнь и характер взаимоотношений взрослых – это среда, в которой формируется личность человека будущего. Потому очень важно, чтобы наша повседневная жизнь, наше общение друг с другом как можно больше соответствовали тому идеалу, который мы стремимся вселить в ребенка. Воспитателя 80-х годов должны представлять собой людей XXI века.
4. Вера человека в людей, вера человека в свои собственные жизненные позиции – это первооснова для полнокровного общения между людьми и возвышения личности. Поэтому мы обязаны развивать и беречь в ребенке веру в нас, в своих воспитателей, веру в своих товарищей, веру в людей, веру в самого себя.
5. Социалистическое общество – это общество равных и заботящихся друг о друге людей. Наш воспитательный процесс должен быть пронизан уважением к личности каждого ребенка, должен формировать у детей чувство заботы о товарищах, близких, о людях вообще.
6. Человек может проявлять и развивать в себе все свои способности и дарования и быть счастливым только в таком обществе, где он чувствует себя нужным и своим и где его искусственно не возвышают и не унижают. Таким ребенок должен себя чувствовать в обществе, в котором он живет.
7. Ребенок – импульсивное существо, ему будет трудно понять нас. Это мы, воспитателя, обязаны понять ребенка и строить наши воспитательные планы с учетом движений его души.

8. Воспитание – скрытый и длительный процесс, и потому мы должны проявлять проницательность, последовательность и терпение во всех конкретных случаях решения воспитательных задач.

9. Нами, воспитателями, должны руководить чуткость, отзывчивость, доброта души, любовь, нежность, непосредственность, постоянная готовность прийти на помощь, чувство сопереживания. Все это должно сочетаться с требовательностью к самому себе и к ребенку, с чувством ответственности перед подрастающим поколением, с заботой о будущем Родины.

10. Мы должны решительно отказаться от противоречащих гуманистическому воспитанию и подавляющих личность ребенка авторитарности и императивности и таких форм их проявления, как крик, брань, ущемление самолюбия, насмешка, грубость, угроза, принуждение [1, 42].

Готовой методики проведения этих «заповедей» на практике у нас нет. Поэтому, уважаемые читатели, решать Вам, придется ли принимать и выполнять эти заповеди на началах гуманистической педагогики или нет. Ясно одно, в этих заповедях – высочайшая забота о каждом ребенке.

Гениальный педагог был уверен, что в будущем дети еще бесконечно много раз удивят мир своими способностями, много раз будут ломать представления ученых и учителей о детской психике. «Мне лично, как оптимисту, - пишет Ш.А. Амонашвили, - представляется, что если Вселенная действительно безгранична, то ребенок единственная живая модель этой безграничности и бесконечности. Нет пределов способностям ребенка, если педагог проявляет к нему оптимистическое и творческое отношения. Отсюда и моя заповедь, служившая при поиске разных путей к уму и сердцу маленького человека:

Чем целенаправленнее будет обновляться методика обучения, способствующая выявлению и развитию глубинных потенций детей, тем она станет гуманнее, оптимистичнее и радостнее.

В этой заповеди и заключен корень сегодняшнего чуда» [1, 117].

Исходя из утверждения, что урок является собственностью детей, а не собственностью учителя, одна из заповедей гласит о том, что учитель не должен быть самовольным на уроке, нельзя хозяйничать на уроке, нарушать ход мыслей детей, занятых решением учебно-познавательных задач. Нужно беречь право каждого ребенка работать спокойно. Ребенок будет тянуться к урокам, если найдет в них условия для более интересного и стремительного движения своей жизни.

На основе этой заповеди Ш.А. Амонашвили выводит три основополагающих дидактических принципа урока:

- принцип продолжения жизни ребенка на уроке;

- принцип установления деловых отношений с детьми;

- принцип ведения урока в соответствующем темпе.

Надо обучать детей в темпе, соответствующем темпу их развития, - советует учитель.

Как было бы хорошо, если бы теория и практика обучения были так же богаты средствами описания тонкостей исполнения педагогических мелодий, как богата ими музыка. В партитуре музыкальных произведений я нахожу завидное количество терминов для характеристики темпа и экспрессии мелодии. Вот одна группа терминов о темпе: адажио (спокойно, медленно), анданте (умеренно, не спеша), аллегро (быстро, живой темп), престо (быстро), вивачиссимо (очень быстро)… А вот другая группа терминов об экспрессии исполнения: аффатуозо (нежно, страстно), аджитато (беспокойно, взволновано), аппассионата (страстно), каприччиозо (прихотливо, капризно), кон спирито (с увлечением, с душой), кон брио (с огнем), кон форца (с силами), маэстозо (торжественно, величественно), ризолюто (решительно), скерцандо (шутливо), транкюилло (спокойно)…

Ни один из композиторов еще не написал свое произведение не указав, какую его часть в каком темпе и с какой экспрессиею следует исполнять, - это нужно для того, чтобы исполнение мелодии стало совершенным и обрело силу влияния на душу и эмоции слушателя.

Неужели педагоги меньше заинтересованы в том, чтобы их уроки имели большую силу влияния на душу и сердце маленького человека?

Так, может быть, следовало бы задуматься о том, в каком темпе и с какой экспрессией следует исполнять на наших уроках те или иные педагогические процессы, которые можно осмыслить как педагогические мелодии? Все эти процессы, или мелодии, из которых будет состоять урок, требуют темповой и экспрессивной обработки [2, 142].

«Детям не нужны отметки» - убеждал учителей великий педагог. Они и без них будут учиться, если учение мы превратим в процесс развития познавательных стремлений, если они не будут чувствовать на себе силу наших мер принуждения.

В глубокой древности педагогом называли человека с палкой, провожающего ребенка в школу и обратно. Но потом это слово приобрело совершенно другое содержание: педагог – человек, учащий и воспитывающий детей. Выбросил ли педагог свою палку, став учителем и воспитателем? Нет, не выбросил! На средневековых барельефах, на иллюстрациях в книгах видим, как педагог, держа в правой руке палку или пучок прутьев, а в левой – раскрытую книгу, учит детей премудростям. Может быть, наши отметки и есть перевоплощенная форма этих палок и прутьев? Так кому нужны отметки в подготовительном классе – неужели шестилетним детям? Малыши и слышать не хотели бы о них, но когда так усердно, каждодневно, всюду – в школе, дома, в любом социальном кругу – мы показываем и доказываем детям зависимость характера наших отношений от полученных ими отметок, то что же детям делать? Они же понимают, что полностью зависят от нас, и не хотят жить без нас, они привязаны к нам, любят нас, и потому не остается другого пути, как стремиться к отметкам, чтобы угодить нам.

Таким образом, вопрос упирается не в то, что отметки нужны детям, а в то, может ли педагог подготовительного класса забыть о существовании отметок, сломать и выбросить «жезл» своей императивной власти и так прийти к детям обучать и воспитывать их. Легко ли это сделать?

Нет, нелегко педагогу расстаться со своим «жезлом» - отметками. Нелегко потому, что с ними связана методика обучения и воспитания, к которой он так привык. Перестройка методики – это не система процедур, направленных скажем, на перегруппировку методов, способов, средств обучения, а преобразование педагогом самого себя, своих точек зрения, взглядов и представлений.

Такое преобразование методики и, стало быть, самого себя болезненно будут переживать только те учителя, которые привыкли работать шаблонно и для которых Паата, сидящий в первом ряду, и Паата, сидящий в третьем ряду, - один и тот же ребенок, что облегчает жизнь, конечно, не ученикам, а педагогу, обучающему их одним и тем же способом [1, 186-187].

Детям нужно предлагать такие увлекательные дела, к которым они могут приступить не когда-нибудь, а сейчас же; и первые шаги, предпринятые в осуществлении этих дел, должны приводить их не к первым горьким результатам, а к первым успехам.

Надо понять, почему существует детство, чтобы обратиться к своему детству и через него войти в жизнь своих ребятишек. Взрослым постоянно надо помнить, что детство существует вовсе не назло воспитателям, оно дар природы человеку, чтобы тот вечно познавал необъятное [2, 96].

Детство – это не просто возрастной период, когда ребенку хочется играть, прыгать, бегать и кататься и когда он еще беспечный.

Настоящее детство – это процесс взросления, это жизнь человека, переходящая из одного качественного состояния в другое, более высокое.

Способствовать взрослению ребенка в соответствии с его развивающимися силами – значит делать его детство радостным, увлекательным, эмоционально насыщенным. И наоборот: замедлять это движение к взрослению путем предоставления ребенку полной свободы с той мнимой логикой, что нельзя отнимать у него детство, значит лишать его истинного чувства переживания радости детства. Эта заповедь Шалвы Александровича, содержащая в себе силу закономерности, еще раз заставляет задуматься над тем, с какой осторожностью и бережностью надо подходить к дошкольному образованию детей в новых социально-экономических условиях жизни общества.

На наш взгляд, заслуживают внимания современного учителя, выделенные десять вопросов, связанные с работой в подготовительном классе, на которые он категорично отвечал «нет» или «да».

Вот вопросы, на которые он отвечал «нет»!

1. Можно ли применять в подготовительном классе опыт работы с первым классом без изменения? – Нет!
2. Можно ли заставлять детей немедленно выполнять приказы и распоряжения педагога? – Нет!
3. Можно ли давать детям обязательные домашние задания? – Нет!
4. Можно ли ставить детям отметки? – Нет!
5. Можно ли говорить в классе, кто из детей учится лучше других? – Нет!
6. Модно ли строго требовать от детей, чтобы они сидели на уроках не шелохнувшись? – Нет!
7. Нужно ли отнимать у ребенка игрушку, которую он принес в школу? – Нет!
8. Можно ли оставлять детей на второй год? – Нет!
9. Нужно ли требовать от детей, чтобы они ходили в школу в ученической форме, с ранцами? – Нет!

10. Можно ли принимать в подготовительный класс детей, которым до 6 лет не хватает 2-3 и более месяцев? – Нет!

И вот вопросы, на которые он отвечает утвердительно:

1. Нужна ли специфическая методика для работы в подготовительном классе? – Да!
2. Можно ли применять в подготовительном классе опыт воспитательной работы детского сада со старшими дошкольниками? – Да!
3. Нужно ли поощрять детей, чтобы они опережали педагогов в прохождении учебного материала? – Да!
4. Может ли педагог преднамеренно допускать ошибки, чтобы дети находили и исправляли их? – Да!
5. Требуется ли от педагога артистизм в работе с детьми? – Да!
6. Допустимо ли давать детям разнообразные задания для свободного выбора? – Да!
7. Нужно ли усилить самостоятельную работу детей? – Да!
8. Нужно ли, чтобы дети оценивали урок? – Да!
9. Нужно ли давать родителям характеристики детей и готовить им пакеты с образцами работ детей? – Да!
10. Нужно ли проводить открытые уроки для родителей? – Да!

«Эти «да» и «нет» и все остальные «да» и «нет» которые могут возникнуть в будущем при работе с детьми,Ж – пишет Ш.А. Амонашвили, - я вывожу из самой главной и, по моему убеждению, единственно верной педагогической позиции, на которой буду стоять и впредь: Детей надо любить всем сердцем и, чтобы их любить так, нужно учиться у них, как следует проявлять эту любовь. Каждый школьный день, каждый урок должен быть осмыслен педагогом как подарок детям. Каждое общение ребенка со своим педагогом должно вселять в него радость и оптимизм» [1, 205-206].

Пусть педагог всегда спешит к детям, радуется каждой встрече с ними; тогда и дети будут спешить в школу и от всего сердца радоваться каждой встрече со своим педагогом.

Вечный вопрос бытия и педагогики – Что есть Истина Школы? – в центре внимания педагога – ученого с читателями его новой книги «Истина школы», где он признает учителей, родителей, нынешних и бывших учеников беречь и развивать школу, которая есть:

– очаг духовности и нравственности,
– мастерская человечности,
– законодательница качества жизни,
– дарительница Света и мощи знаний,
– хранительница культуры и языка,
– сеятель духовного и доброго.

Школа — живое духовное существо со своим предназначением.

Она ведёт общество, но не является слугой общества.

Она укрепляет государство, но не есть оружие в руках государства.

Она служит человеку, но не обслуживает его.

Какая же сила направляет Школу?

Её направляет сила собственного Духа.

Дух Школы имеет свои вечные основания и изменять их не будет. Иначе не будет самой Школы.

Этими основаниями являются общечеловеческие ценности, которые определяют норму и качество жизни: Вера, Праведность, Любовь, Гуманизм, Справедливость, Культура, Совесть, То, что возникает в человеке путём образования на основе этих ценностей, можно назвать духовностью и духовной жизнью [3, 4-5].

- Русское слово «школа» восходит к латинскому «скале» — «лестница», — сообщил об этом академикам РАО Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. Речь идёт, сказал он, о лестнице духовного восхождения человека. Эта лестница, сказал он, ещё, классически описана преподобным Иоанном Лествичником в его знаменитой книге «Лествица». В ней раскрыты 30 ступеней восхождения, и последняя, вершинная, названа «Любовью».

Человек, прежде всего, есть духовное существо, но каждый из нас должен признать себя таковым. Только в этом случае становится возможным расширение сознания. Если мы смотрим на мир через духовное зрение, то больше и глубже постигаем его материальную суть и стремимся к её одухотворению. Если же смотрим на мир только через материалистический взгляд, то начинаем искать в нём больше личную выгоду, чем общее благо.

Поднимаясь по ступенькам скале, каждый растущий человек раскрывает свои духовные и природные дары, познаёт себя, обогащается опытом и знаниями, облагораживается духовно и нравственно.

Скале — Школа выявляет и утончает неповторимость каждого, направляет на поиск смысла жизни, предназначения, зарождает в каждом чувство служения великому и всеобщему.

Каждая ступенька Скале — Школы развивает и укрепляет волю, терпение, смелость, дисциплину духа, окрыляет мысль и творчество.

Это есть Истина Школы [3,7].

Святое и великое Слово — Скале.

Спасибо латинянам, что уберегли и подарили миру это слово. Каждый народ обласкал его и принял как достояние собственного языка.

«Школа» — говорят русские.

«Шуле» — говорят немцы.

«Скул» — говорят англичане.

«Скоула» — говорят итальянцы.

«Эколе» — говорят французы.

«Эскуела» — говорят испанцы.

«Скола» — так говорят грузины.

«Схоле» — говорят греки.

«Сколе» — говорят норвежцы,

«Скола» — говорят латыши.

«Школа» —говорят белорусы.

«Школа» — говорят украинцы [3, 10].

Рядом с каким словом среди сотен тысяч других можно поставить слово «Школа»?

Есть только одно единственное священное слово — Храм.

Храм и Школа.

Они достойно возглавляют не только легионы светлых, честных, одухотворённых слов, но и духовно-нравственное и интеллектуальное восхождение народов.

Храм и Школа — стоят у истоков и на страже Веры и Культуры.

Храм и Школа — дают духовно-нравственные ориентиры наукам, искусствам, творчеству.

Храм и Школа — стражи Света и враги тьмы.

Храм и Школа есть творцы настоящего, они же строят основы будущего.

Пока у народа есть Храм и есть Школа, у него есть путь.

Пока народ почитает Храм и Школу, его не покинет судьба.

Если народ заботится о Храме и о Школе, к нему придёт могущество.

Но если кто разрушит Храм, сам Бог разрушит его.

Если кто погубит Школу, гнев народа погубит его [3,11].

Что умеет и чего не умеет Школа?

Школа умеет любить и воспитывать любовь.

Но она не умеет ненавидеть и воспитывать ненависть.

Школа умеет быть преданной и воспитывать преданность.

Но она не умеет предавать и воспитывать предательство.

Школа умеет созидать и вдохновлять на созидание.

Но не умеет разрушать и напутствовать на разрушение.

Школа умеет защищать ребёнка и выправлять его судьбу.

Но она не умеет ущемлять ребёнка и искажать его судьбу.

Школа умеет творить добро и воспитывать доброту.

Но она не умеет быть злой и воспитывать зло.

Школа умеет быть честной и воспитывать честность.

Но она не умеет быть лживой и воспитывать лживость.

Школа почитает родной язык и воспитывает доброречие.

Но она не умеет сквернословить и воспитывать сквернословие.

Школа есть Царство Мысли и воспитывает свободомыслие.

Но она не есть тюремщик мысли и не умеет воспитывать раба.

Школа умеет расширять сознание.

Школа живёт духовностью и Верой.

Она гибнет без духа и Веры.

Школа умеет всё хорошее.

Но не умеет ничего плохого. Школа — Светлый Ангел и несёт только Свет.

Всё, что не от неё, то от лукавого.

Это есть Истина Школы [3, 6].

Мы все, все исключительно, в долгу перед Школой Школа воспитывала каждого из нас.

Она очеловечивала и одухотворяла нашу природу, наполняла каждого из нас светом и знаниями, облагораживала наши сердца -сеял£в_нас доброе и духовное.

Школа есть сущность из Будущего, и она умеет направлять детей только в Будущее.

Совершенство и красота Школы — в её устремлении.

Устремление!

С почтением воспримем это великое Слово.

В устремлении — жизнь духа.

В устремлении — знания.

В устремлении — чувствознание.

В устремлении — преданность.

В устремлении — подвиг.

В устремлении — победа.

Мир созидается устремлением, и Школа созидается устремлением – это есть Истина Школы [3, 34].

Как набат звучит обращение Шалвы Александровича к друзьям школы, учителям, родителям, нынешним и бывшим ученикам:

«Друзья Школы!
Дорогие учителя!
Уважаемые родители!
Нынешние и бывшие ученики!

Скажем доброе слово о Школе!

Она ждёт от нас ласки, любви, признательности!

Она страдает, страдает сердцем.

Страдает, потому что высказывают ей недоверие, оскорбляют, калечат её.

Постоянно реформируют, модернизируют, обновляют. Не дают спокойно и преданно отдаваться своему долгу и служению всей своей мудростью.

Реформация школы переходит в деформацию.

Модернизация переходит в модничанье.

Обновление не уходит далеко от сегодняшнего дня.

Школу вербуют, захватывают, оголяют, продают.

Навязывают чуждые её природе смыслы, дела, задачи, пути.

Принуждают предавать своих детей,

Но она скорее сгорит, чем предаст их.

Школа бедствует, нищенствует.

Разве не видите, как она протянула людям обе руки и молит о помощи: «Ради Христа, ради Детей, ради Будущего, помогите!»

Поможем Школе по мере наших сил.

Поможем мыслями, чувствами, молитвами, любовью, заботой. Поможем делами.

Скажем мощное Слово в её защиту, чтобы поняли те, кому это нужно: мы — общество — не предадим Школу!» [3, 3].

Забота о Школе есть забота об учителе.

Скажем эту аксиому ещё и ещё раз, чтобы была она усвоена всеми. И пусть ответят начальники на вопросы мудрецов прямо и просто — «да» или «нет»:

1. Может ли человек униженный и утеснённый говорить о духовном, об общечеловеческих ценностях, о красоте, о звёздном небе, о расширении сознания?
2. Можно ли поручить детей человеку удручённому?
3. Можно ли забыть, какое излучение даёт горе?
4. Можно ли не знать, что дух подавленный не вызовет восторга?
5. Можно ли считать учительство ничтожным занятием?
6. Можно ли ждать от детей просветления духа, если школа будет местом унижения и обиды?
7. Можна ли ожидать творчества при скрежете зубов?
8. Можно ли ждать огней сердца, когда молчит дух?

И если начальник любого уровня воскликнет в ответ на эти вопросы — «Нет! Конечно, нет!» — то порадуемся, поаплодируем ему – значит, есть надежда, что через него восторжествует Истина Школы, которая в учителе [2, 66-67].

В заключение согласимся с мыслью педагога Шалвы Александровича Амонашвили, что педагогика есть общечеловеческая культура мышления, а мудрость педагогическая есть общечеловеческое достояние. Мы не можем мыслить в педагогике так, если бы не было Коменского, Песталоцци, Ушинского, Руссо, Макаренко, Корчака, Сухомлинского.

От себя добавим, нужно соприсутствовать с Амонашвили, Волковым, Гончаровым, Дубровиным, Ивановым, Ильиным, Резником, Сазоновым, Шаталовым, Лысенковой, учителями-новаторами, педагогические идеи, общественно важные и значимые для всех мудрые мысли, получают воплощение в конкретных методах, приемах, способах, технологиях, которыми можно владеть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амонашвили Ш.А. Здравствуйте, дети!: пособие для учителя / Ш.А. Амонашвили; предис. А.В. Петровского. – М.: Просвещение, 1983. – 208 с.
2. Амонашвили Ш.А. Как живете, дети?: пособие для учителя / Ш.А. Амонашвили; предис. А.В. Петровского. – М.: Просвещение, 1986. – 176 с.
3. Амонашвили Ш.А. Истина школы / Ш.А. Амонашвили. – К.: СПД А.М. Богданова, 2005. – 72 с.